

**Всероссийская олимпиада школьников
Чукотский автономный округ
Муниципальный этап
2024 – 2025 учебный год
Литература
9 класс**

Максимальная оценка – 100 баллов

Время выполнения заданий 6 академических часов (270 минут)

Задание № 1

Для проведения целостного анализа текста выберите только ОДИН из вариантов текстов, предложенных для анализа.

Вариант 1

Прочитайте рассказ Анны Александровны Турусовой «Галоши». Выполните целостный анализ рассказа, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия рассказа, авторское отношение к персонажам, смысл концовки рассказа.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

(Максимальный балл за выполнение задания – 80)

К сведению: Анна Александровна Турусова (р. 1936) - российская писательница, поэтесса, лауреат Литературного конкурса имени К. М. Нефедьева.

Галоши

Валенки мне после Вани доставались латаные-перелатанные, подшитые и расшлепанные. Ногам в них было просторно, как в тапике. Это огорчало, но не ссорило нас. В войну всякая обувь считалась в пору. У многих и такой не было. Разве брат был виноват, что старше годами и ноги у него крупнее моих? К тому же он был мальчишкой, а это тогда значило немало. Война выбрала из деревни мужиков, оставила ей только старых да хворых. На мальчишек, даже десятилетних, как мой двоюродный брат, смотрели с почтением и надеждой.

В нашем доме Ваня был единственным мужчиной. Был еще один, но того в счет пока не брали — он под стол пешком ходил.

Ваня и сам осознавал, что все в нем видят опору — его мама, моя мама, бабушка и мы, малыши.

— Тебе хорошо, тебе можно и полмешка принести, а я должен полный, — наставлял он сам себя, когда весной мы ходили с ним за мерзлой картошкой.

Обычно в картофельные походы шла школа, но ребятам разрешали брать с собой братишек и сестренек помладше. Когда снег таял и поля приоткрывались, весенние ручьи вымывали и выносили наверх клубни, затерявшиеся в земле или ботве с осени. Наши мамы и бабушка перетирали их в муку и пекли оладьи. Многие семьи с трудом дотягивали до картофельных десантов — первого подножного корма. С мешками на боку, с палками в руках мы выстраивались в редкую цепочку на краю поля — получался длинный живой гребень — и прочесывали участок до установленного колышка. Через день-два приходили снова и шли уже от этого колышка до следующего. Подбирали все — даже мелочь. А уж если палка выковыривала крупную картофелину, радость была через край. Так радуется грибник, когда среди сыроежек, волнушек, свинушек ему вдруг улыбнется настоящий белый.

Предметом зависти во время картофельных походов были сапоги, крепкие и непромокаемые. У нас с Ваней таких не было. Бабушка умудрялась надеть на наши валенки, даже на подшитые, галоши и привязывала их бечевкой к голенищу — чтобы грязь их не отчавкала. Ходить в них по раскисшему полю было мучением. Мы выбирали кочки поплотнее, а обладатели сапог тем временем шли напролом, чтобы и здесь найти, и там не потерять. Ваня никак не хотел от них отставать и возвращаться с неполной сумой.

Однажды в спешке он потерял галоши. Бечевки то ли протерлись, то ли соскользнули, но валенки Ваня вытянул из грязи разутыми и не обратил на это внимания. Заметил, когда насквозь промокли ноги.

Вечером на Бане можно было сушить белье — он горел, метался и в бреду докладывал бабушке о потерянных галошах.

— Сдались ему эти галоши, пропади они пропадом, — наши мамы и бабушка одна за другой трогали Ванин лоб и невесело шептались. О том, что нищий сам себе беду ищет, что беда — бестия хитрая, приходит быстро, а убраться не торопится, что, уходя, она дорогу метит — вдруг случится вернуться назад.

Ванину хворобу изгоняли по-домашнему — малиной да баней, да всякими травами. Ваня поднялся скоро, в нем был хороший запас здоровья.

Но мамы и бабушка как в воду глядели. Беда исправно пометила дорогу в наш дом, вернулась, не заблудилась.

Снег уже сбежал. Вдоль плетней земля подернулась зеленью, там, где солнце пригревало сильнее. Деревня прибиралась к Пасхе. Во дворах сохло белье, на плетнях пестрели половички, в избах скоблили стены. До нас еще не дошли тогда ни побелка, ни обои. Скобленный потолок, скобленные стены, скобленные полы, столы и лавки с головой выдавали хозяйку. «У них стены, как воск желтые», — говорили, когда хотели похвалить хозяйкины руки. А если наоборот, то коротко и сухо: «У них что сени, что стены». И всем все было ясно.

Наши мамы и бабушка в три ножа скребли передний угол. Из-под ножей на пол летела темная отпаренная каша. На печи грелась вода. В избе было сыро и пахло щелоком и баней. Юловатого Ваню, который в поту и бреду провалился неделю, терзало бездействие. В школу он еще не ходил, книг в доме не водилось.

— Пошли к Прокопычу, — сказал он мне. — Сказки возьмем, я тебе прочитаю.

При слове «сказки» я заерзала. Заманчивее сказок ничего не было.

— Не пустят, — усомнилась я, — тебе нельзя, ты кашляешь.

— Эх ты! — пристыдил меня Ваня. — Эх ты! Ненадежа!

Ваня всегда правильно рассчитывал. Он не ронял свое мужское достоинство и неприглядную роль отводил мне. За покорное исполнение порученной роли он платил чтением сказок. Ваня добивался, чтобы я, девчонка, к тому же младше его, канючила, капризничала и просилась к Прокопычу, а он бы, как старший, навязался в провожатые.

У Прокопыча, пасечника и деревенского грамотея, была небольшая библиотека. Книги достались ему от отца-священника. Они редко стояли на домашних полках, все больше гуляли по деревне. Прокопыч их давал ребятам с таким удовольствием, словно мы выручали его, затаскивая книги до дыр. Он не боялся, что книгу уведут, то есть присвоят. Да в деревне это и было невозможно. Случалось, что пачкали, теряли странички, задерживали, но чтобы книга пропала — никогда. Правда бы рано или поздно проклюнулась, ведь жизнь шла на виду, двери не запирались. Да и воровать было нечего — все одинаково горе мыкали.

Но жил Прокопыч не в самой деревне, а на пасеке, за рекой. Летом через речку шли вброд, зимой — по льду. Мост был только там, где переправлялись на поля.

Но был еще Акушкин мост — три бревна, переброшенных через узкий перешеек за двором бабки Акулины. Бабку мы уже не застали в живых, только мостик, который хранил память о ней.

Конечно, я выклянчила позволение сходить к Прокопычу. Конечно, Ваня снисходительно согласился сопровождать меня. И конечно же, мы побежали к Акушкину мосту.

Боже мой, что там творилось! На реке, сжимая друг друга в жестких объятиях, скрежетали льдины. Нашей маленькой и мелкой речке было тесно, она трещала и толкалась в берега, грузная и неповоротливая. Акульский мост оказался над самой водой. На него и ступить было страшно!

Забыв про сказки и Прокопыча, я смотрела на эту силищу — ледолом. Глаза выбирали льдину помассивнее и провожали ее до самого поворота. Было жалко, что она исчезала и уже нельзя увидеть, как льдина ворочается, скалывает угол соседней, отпихивает ее, торопясь проложить дорогу и умчаться вдаль.

— Ты чего? — схватил меня Баня за руку. — Пошли!

— Не пойду, — сказала я. — Я боюсь.

— А ты не бойся. Лучше не бояться, — приказал Баня.

— Неправда, — сказала я. — Лучше бояться, чем не бояться. Бабушка так говорит.

— Тогда я один пойду, — пригрозил Баня.

— Нет, и ты не пойдешь. Я маме твоей скажу.

— Еще чего! Буду я дрожать, как студень. Мокрая курица! Чего тут бояться? Связался я с тобой!

— Это я с тобой связалась! — мне было обидно: надо же так — я для него выклянчивала, унижалась, и он же еще недоволен. Но Ваня не хотел ничего слышать.

— С вами, сопливыми, только свяжись, и сам носом зашмыгаешь. Стой здесь! И не ходи никуда! Я быстро. Скажем, что вместе ходили.

— Ва-аня-я! Не ходи! Мне страшно! — захныкала я, вцепившись в рукав его фуфайки.

— Стой здесь! Я что, непонятно сказал?

От ужаса у меня свело в животе. Я сжалась, скукожилась, как сушеный гриб, и, предчувствуя самое страшное, сунула в рот кулак и закусилась пальцы.

Ваня уже был на середине реки, когда огромная льдина встала на дыбы и так боднула мосток, что одно бревно тут же отскочило и поплыло верхом на осколышках. Баня потерял равновесие и ухнул вниз. Он еще успел схватиться за остатки мостика, но ноги затянуло между льдинами, и они оттащили его от бревен.

Наверно, мой крик был слышен на обоих концах деревни.

— Ванька тонет! Ванька то-о-нет! — я понеслась вверх по косогору, с ревом влетела в избу и сорвала со стола мам и бабушку. Как были в мокрых, почти исподних одежках, так они и выскочили, побросав ножи на пол. С этого момента я ничего не помню — меня выбило из сознания.

Ваню несло в ледоходе метров шестьдесят. На его счастье внизу по течению женщина полоскала белье. Она первой услышала мой крик и побежала навстречу течению. Увидела вынырнувшую Ванькину голову, скинула фуфайку и бросилась в ледяную воду.

Ваню откачали, натерли водкой и завернули в тулуп. Выживет? Не выживет? Беду делила вся деревня, как бывало, когда приносили очередную похоронку. Деревенская знахарка, та, что зимой и летом одним цветом — в черном с головы до пят, трижды в день наведывалась, поднималась к нам с дальнего конца, забыв про свои восемьдесят лет.

Снова были и баня, и малина, и чай с травами. Снова Ваня бредил, а в бреду почему-то возвращался к злополучным галошам, с которых все началось. Если бы он их не потерял, не заболел бы. Если бы не заболел, ходил бы как все в школу, и не запросились бы мы к Прокопычу. Если бы не пошли к Прокопычу, то и беда бы миновала нас. Это я так думала.

А бабка-знахарка думала иначе.

— Чему бывать, того не миновать, — говорила она. — Видать, на роду так написано — с водяным повстречаться. Вон синяков намалевал, не скоро сотрешь.

Из этой хвори Ваня тоже выбрался — посчастливилось нашему дому. Сошли синяки, набитые льдинами. Все, кроме одного. На руке, в том месте, где пробуют пульс, осталось темное пятно величиной с пятак. Ваню прозвали Меченым.

— Водяной метку оставил, не иначе, как призовет снова, — горевала наша бабушка.

— Пусть у тебя отсохнет язык, если еще раз такое брякнешь, — сказала ей знахарка. Она сурово запретила бабушке строить дурные догадки да еще вслух. — Смотри, беду накличешь. Она и так по пятам ходит, не спотыкается.

— Знать бы, чего не договариваешь, — вздыхала бабушка. — А ведь не договариваешь.

— Много будешь знать, знахаркой станешь, — гостя хитро приоткрывала одинокий зуб и привычно прятала под седые ресницы нестареющие глаза. — А зачем на деревне другая знахарка?

Сейчас, когда над нашим домом прошумело много больших и малых бед, когда уже нет ни бабушки, ни мам, ни Ивана, мне тоже кажется, что бабка-знахарка ведала куда больше, чем говорила. Только была она, видать, всех мудрее и не все сказывала, что знала. Иначе бы и не слыла знахаркой, — такие красные звания у народа заслужить непросто.

А галоши Ваня весной отыскал. Только принес не две, а три. Не его одного разуло картофельное поле военной поры.

Вариант 2

Прочитайте стихотворение Юнны Мориц «Песня о волшебнике» и **выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы:** соединение высокого и обыденного, личного и общего; предметная детализация и ее функции в создании художественного пространства, образ лирического героя и приемы его обрисовки. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

(Максимальный балл за выполнение задания – 80)

К сведению: Юнна Петровна Мориц — советская и российская поэтесса, переводчица, сценарист.

Песня о волшебнике

Сапожник починяет нам ботинки,
А плотник - табуретку и крыльцо,
Но только у волшебника в починке
Светлеет ваше сердце и лицо!

Какая тонкая работа -
Счастливым сделать хоть кого-то,
Цветок удачи принести,
От одиночества спасти,
А самому потом тихонечко уйти...

Волшебник - это сказочная личность,
И сказочно он скромен, господа,
В нем сказочно отсутствует двуличность,
И выгод он не ищет никогда.

Какая тонкая работа -
Счастливым сделать хоть кого-то,
Цветок удачи принести,
От одиночества спасти,
А самому потом тихонечко уйти...

Язык чужой обиды и печали
Волшебник изучает с детских лет,
Его вселять надежды обучали -
И это основной его предмет!

Какая тонкая работа -
Счастливым сделать хоть кого-то,
Цветок удачи принести,
От одиночества спасти,
А самому потом тихонечко уйти...

(Максимальный балл за выполнение задания – 80)

Задание № 2

Нейросеть ChatGPT получила запрос о создании иллюстрации к стихотворению Александра Сергеевича Пушкина «Зимнее утро». Результат представлен вам в виде картины.

Задание

Сравните текст стихотворения и иллюстрацию, объясните, какие оттенки смысла и настроения стихотворения нейросеть истолковала в соответствии с исходным текстом, а какие не смогла уловить. Какие детали и нюансы нейросеть добавила «от себя»? Какие смысловые акценты расставлены нейросетью в рисунке? Как бы вы озаглавили эту «картину», созданную ChatGPT? Напишите развернутый связный ответ на поставленные вопросы.

Александр Сергеевич Пушкин — великий русский поэт, драматург и прозаик.

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.
Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.

Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

(Максимальный балл за выполнение задания – 20)